

Игорь Нарский

**Книга и эпоха: Штрихи к истории прорывов
в интернациональной историографии революции
1917 г. и спорам конструктивистов с эссенциалистами
и друг с другом в 1990–2020-е гг.**

The Book and the Epoch: A Pair of Brushstrokes on the History of the
International Historiography of the 1917 Revolution and the Constructivists'
Discussions with Essentialists and Each Other in the 1990s and 2020s

Нарский Игорь Владимирович
Пермский государственный
национальный исследовательский
университет,
Россия, Пермь
inarsky@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5144-5435

Narskii Igor V.
Perm State National
Research University
inarsky@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5144-5435

Аннотация. Эссе посвящено анализу второго издания книги Б. И. Колоницкого «Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года» в контексте формирования интернационального россиеведения в 1990–2000-е гг. Текст начинается краткой зарисовкой расцвета историографии российско-советского прошлого без границ и связанных с этим настроений и надежд. Затем очерчиваются академическая биография Б. И. Колоницкого и место анализируемой книги в его творчестве. После этого характеризуются постановка вопросов, историографическая эрудиция, источниковая база, методологические ориентиры и основные идеи автора монографии. Как и другие поклонники творчества Колоницкого, автор эссе анализирует и оценивает монографию как центральную среди других трудов ученого. Последняя часть эссе посвящена дискуссии, которую Б. И. Колоницкий ведет на страницах своей книги с коллегами по историческому цеху, а также ученым спорам между историками, запечатленным за рамками книжного текста, но имеющим к нему прямое отношение. Критика советского наследия в изучении российской революции интерпретируется в эссе

Abstract. The essay analyses the second edition of Boris Kolonitskii's book "Symbols of Power and the Struggle for Power: Towards a Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917" in the context of the emergence of international Russian studies in the 1990s and 2000s. The essay begins with a brief sketch of the burgeoning historiography of the Russian-Soviet past without borders and the feelings and hopes associated with it. Then the academic biography of B. I. Kolonitskii and the place of the analysed book in his work are outlined. Then the research question, historiographical scholarship, source base, methodological guidelines and main ideas of the author of the monograph are characterised. The last part of the essay is devoted to the discussion that B. I. Kolonitskii conducts on the pages of the book, as well as the scientific disputes between historians, which are conducted outside the text of the book, but are directly related to it. The criticism of the Soviet legacy in the study of the Russian Revolution is interpreted in the essay as a constructivist speech against the essentialists, relevant even today against the backdrop of a renewed flourishing of positivism in Russian historical science. In addition, two texts on the constructivist

как выступление конструктивиста против эссенциалистов, актуальное и сегодня, на фоне нового расцвета позитивизма в российской исторической науке. Кроме того, рассматриваются два текста о конструктивистском подходе к изучению революции 1917 г. середины 1990-х (Матиас Штадельман) и начала 2020-х гг. (Ян Плампер), в которых культурно-исторические подходы (в том числе использованные в книге Колоницкого) критикуются с различных позиций. Эти примеры используются в контексте размышлений о дальнейших перспективах изучения Российской революции. Они видятся, помимо прочего, в создании инструментария для целостного изучения опыта исторических акторов по ту сторону дихотомии «общество» и «культура».

Ключевые слова: интернациональная историография, Российская революция, конструктивизм, эссенциализм, культурная история, лингвистический поворот, сенсорная история.

Для цитирования: Нарский И. В. Книга и эпоха: Штрихи к истории прорывов в интернациональной историографии революции 1917 года и спорам конструктивистов с эссенциалистами и друг с другом в 1990–2020-е гг. // Культурная история. 2025. № 1. С. 125–139.
DOI: 10.33280/3034-3216.2025.36.35.004

approach in the study of the 1917 Revolution from the mid-1990s and the early 2020s are examined, in which cultural-historical approaches (including in Kolonitskii's book) are criticised from different positions. These examples will be used as part of considerations on further perspectives for research into the Russian Revolution. They can be seen, among other things, in the creation of tools for a comprehensive study of the experience of historical actors from the other side of the "society" — "culture" dichotomy.

Keywords: international historiography, Russian Revolution, constructivism, essentialism, cultural history, linguistic turn, sensory history.

For Citation: Narskii I. V. The Book and the Epoch: A Pair of Brushstrokes on the History of the International Historiography of the 1917 Revolution and the Constructivists' Discussions with Essentialists and Each Other in the 1990s and 2020s, in: *Cultural History*. 2025. No. 1. P. 125–139.
DOI: 10.33280/3034-3216.2025.36.35.004

Все, что можно сказать
в серьезной дискуссии, —
это «по-разному бывает».

Теодор Шанин¹

Историк и его время

Четверть века назад тогда еще совсем молодой эксперт по истории Восточной Европы и энергичный организатор науки Майкл Дэвид-Фокс так оценивал положение дел в историческом цехе: «В настоящее время идет процесс создания новой, интернациональной историографии России, и процесс этот особенно активизировался в 1990-е гг. Я имею в виду происходящее сейчас заметное стирание национальных границ между тремя основными центрами исследований в данной области исторической науки — между англо-американской, русскоязычной и европейской (в первую очередь немецкой и французской) историографией. В некоторых случаях границы эти исчезают совершенно. Хотя такая практика еще относительно редка, историки разных стран уже имеют возможность прочитать одну и ту же историческую литературу, опубликованную на нескольких языках, примерно в одно и то же время; происходит постоянное научное общение и взаимное обогащение идеями между разноязычными аванпостами современной историографии и т. д. Именно в этом смысле мы можем говорить о формировании подлинно интернациональной историографии России; а ведь еще недавно подобные слова показались бы лишь туманным пророчеством»². Действительно, (не только) для российских историков это было время больших надежд, небывалых возможностей и серьезных прорывов в изучении

1 *Шанин Т.* Статья Теодором: от ребенка войны до профессора-визионера. М., 2024. С. 193.

2 *Дэвид-Фокс М.* Семь подходов к феномену советской системы: Разные взгляды на первую половину «краткого» XX века // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 39–40.

русской и советской истории, в том числе и истории революции 1917 г. На рубеже тысячелетий появились новаторские попытки сменить угол зрения на казалось бы известное прошлое и посмотреть на революцию «изнутри», глазами сочувствующих или разочарованных современников, из разъяренной толпы, из автономной от центра региональной перспективы, из повседневных практик выживания, равно как и на часть всемирной истории эпохи Первой мировой и последовавших гражданских войн³. К числу чрезвычайно активных и успешных участников процесса создания международной историографии российской революции принадлежит и Б. И. Колоницкий.

Борис Иванович заявил о себе как специалист по революции 1917 г. на самой-самой заре перестройки, в 70-летнюю годовщину тогда еще «Великой Октябрьской социалистической революции», посвятив кандидатскую диссертацию буржуазной печати революционной поры⁴. 1999 г. ознаменовался ярким аккордом его академической карьеры и международного признания. Тогда увидела свет его монография, опубликованная в Лондоне в 1999 г., а сам он получил первый опыт приглашенного профессора в зарубежном (Иллинойском) университете и стал доцентом основанного пятью годами ранее Европейского университета в Санкт-Петербурге — одного из флагманов экспериментов в области российского университетского образования, наряду с РГГУ, «Вышкой» и «Шанинкой» в 1990-е гг.

С тех пор слава петербургского историка в качестве общепризнанного эксперта мирового уровня постоянно росла. Его книги публикуются за рубежом, научные статьи выходят на языках всех обитаемых континентов. Академическое чествование юбилеев Первой мировой войны и Великой российской революции невозможно представить без его участия. Так, в спецвыпуске французского научно-популярного журнала по истории, посвященном столетию революции, редакция охарактеризовала Б. И. Колониц-

3 См., например: Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Holquist P. Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.); London, 2002; Raleigh D. J. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton; Oxford, 2002.

4 См.: Колоницкий Б. И. Центры буржуазной печатной пропаганды в Петрограде и их крушение, март — октябрь 1917 года: дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1987.

кого как «великого российского историка» и напечатала его текст в компании таких специалистов по советской и революционной истории, как Марк Ферро, Никола Верт и Кэтрин Мерридейл⁵.

Главная книга

Книгу «Символы власти и борьба за власть» позволительно рассматривать как своего рода стеновой хребет исследований Б. И. Колоницкого. Ей предшествовало упомянутое выше английское издание «Interpreting the Russian Revolution», в котором были обзорно представлены основные проблемы, сюжеты и подходы, которые Борис Иванович вскоре углубил и детализировал в русской публикации⁶. Обе книги сразу были замечены⁷. Монография, в свою очередь, легла в основу докторской диссертации, защищенной в 2002 г.⁸ Из этого опуса магнаса выросли и другие его монографические труды о символическом измерении революции 1917 г. — о превратностях знаков отличия, образов императорской семьи и культа А. Ф. Керенского⁹. Второе, исправленное и дополненное, издание исследования «Символов власти» увидело свет десятилетием позже, когда первое издание давно стало библиографической редкостью¹⁰. В новой его версии были учтены итоги работы историков революции и символической коммуникации первого десятилетия XXI в.

Стержневой роли монографии Б. И. Колоницкого о борьбе за власть с помощью символов не приходится удивляться. В ней

5 См.: L'histoire. Les Révolutions russes: Février — Octobre 1917. Février 2017. № 432. P. 10–11, 46–47.

6 См.: Колоницкий Б. И. Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.

7 Только за три года, по подсчету автора книги на момент защиты докторской диссертации в октябре 2002 г., на его монографические публикации были опубликованы шесть рецензий. См.: Колоницкий Б. И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2002. С. 14.

8 См.: Колоницкий Б. И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году: дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2002.

9 Колоницкий Б. И. 1) Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001; 2) «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; 3) «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М., 2017.

10 См.: Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012.

поставлена амбициозная цель, для достижения которой было скрупулезно изучено состояние международной историографии Великой французской и Российской революций, политической культуры и символической политики; привлечен впечатляющий обилием и разнообразием источниковый корпус и небанальный теоретический инструментарий. Предоставим слово автору. В издании 2012 г. он утверждает: «Революцию нельзя понять без изучения политических символов эпохи. Однако речь должна идти не только об их собирании, изучении и классификации (что само по себе важно), исследователь должен выявить ту роль, которую они играли в политических процессах разного уровня. Это позволит использовать богатый материал, накопленный историками музыки и историками театра, специалистами в области геральдики, униформистики, фалеристики и других дисциплин, для изучения политической истории революции. Не только символы, но конфликты вокруг символов должны стать объектом исследования»¹¹. И несколькими строками ниже добавляет: «Историк должен реконструировать, “расшифровать” различные значения символов, которые порой весьма отличаются от современных их толкований. Изучение символов необходимо для исследования массового политического сознания революционных эпох, которое, как уже отмечалось, само становилось фактором власти»¹².

Книга Б. И. Колоницкого изобилует темами и коллизиями, каждая из которых (как видно и из других монографий автора и его учеников) достойна специальных монографических и диссертационных исследований. Постановка вопросов, отраженная в структуре «Символов власти», включает изучение роли символов в событиях Февраля 1917 г., ритуальную символизацию в мартовских «праздниках свободы», в пересечениях языка революции и церкви, в борьбе за новые государственные символы, униформу, иконо- и топографию, за красное знамя, революционные песни и новый канон коммуникации. Автор обращается к самым сложным для историка вопросам обратной связи — рецепции населением революционных символов, которая отразилась, помимо прочего, в популярности культа Керенского, в массовой культуре и представлениях современников о своем времени, о прошлом и будущем, о «своих» и «чужих».

11 Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. С. 12–13.

12 Там же. С. 13.

Для решения поставленных задач исследователь привлек огромный источниковый корпус, состоящий из законодательных актов и делопроизводственных материалов, периодической печати и эго-документов, изображений и песен, фильмов и предметов. Только архивные документы извлечены из более семи-десяти фондов двух десятков российских и зарубежных архивов. Их расшифровка потребовала от петербургского историка вооружиться необходимыми для этого инструментами. Автор не перегружает текст теоретическими построениями и не докучает читающей публике обилием труднопроизносимых имен. Но искушенный читатель заметит в аргументации исследователя прекрасную ориентацию в социологических, антропологических и культурно-исторических концепциях. Неслучайно рецензент на вышедшее в 2001 г. испанское издание книги «*Interpreting the Russian Revolution*» подчеркивает, что авторы опираются на арсенал методов, предложенных Клиффордом Гирцем и Мишелем де Серто, Эдвардом Томпсоном и Франсуа Фюре, Мишелем Фуко и Пьером Бурдьё, Роже Шартье и Робертом Дарнтоном¹³.

Б. И. Колоницкий проанализировал идентификационные и демонстративные, мобилизационные и легитимационные, компенсаторные и коммуникативные функции символов в российской революции и пришел к ряду важных выводов, повлиявших на дальнейшее изучение революции 1917 г. в международной историографии. Среди них следует назвать, например, такой, как знакомство населения на момент начала революции с культурой подполья, что облегчило процесс стихийной массовой самоорганизации современников «снизу», а также обеспечило успех революционной символики. Или отсутствие у большевиков монополии на революционные знаки, включая красное знамя, революционные песни и даже изображение серпа и молота, за овладение которыми большевикам пришлось бороться. А также синкретизм российской революционной культуры, причудливо совмещавшей светские образы с религиозными, республиканские мотивы с монархическими, просветительские интонации с ксенофобскими; многозначность и радикализм революционных символов, обеспечивших логику радикализации революционных требований и ожиданий, сменившихся затем массовыми

13 Рецензия Пласенсия де ла Палпа опубликована в 2001 г. в издании «*Históricas. Boletín del Instituto de Investigaciones Históricas*».

апатией и разочарованием. Как утверждает в заключении автор, «в 1917 г. основная тенденция символических изменений носила новаторский характер, она представляла собой программу радикального преодоления прошлого, его тотального отрицания. При этом использовались символы субкультуры освободительного движения, имела место экспансия подпольной протестной субкультуры с ее претензией на всеобщность и монополию при почти полном отрицании дореволюционной символики. Радикальная символическая революция создавала условия для “углубления революции”»¹⁴.

Б. И. Колоницкий — блестящий рассказчик. Он точно формулирует и убедительно аргументирует, он находит яркие краски для зарисовок революционных сценок, настроений толпы, надежд и страхов очевидцев. Он объясняет читателю, почему доверяет одному свидетельству, и предостерегает от некритичного восприятия другого.

Упомянув авторское доверие / недоверие к тому или иному факту, мы тем самым касаемся вопроса о дискуссионных моментах, которые встречаются на страницах книги или приходят в голову при ее чтении.

«По-разному бывает», или Что дальше?

В качестве эпиграфа к этому эссе и названия завершающей его части избрано высказывание знаменитого социолога и историка российского крестьянства и революции Теодора Шанина, относящееся, правда, к событиям в другом регионе и к иному времени. Однако его апелляция к осторожности и сдержанности ученых ввиду сложности исследуемого материала как нельзя более уместна в отношении Российской революции. С первых строк книги Б. И. Колоницкий вежливо, но настойчиво полемизирует с многолетней традицией репрезентации революции как борьбы классов, партий и государственных структур — традицией, запечатленной «обилием монографий различных историков, приверженцев самых разных политических взглядов, сторонников всевозможных исследовательских подходов. В центре их внимания — институты власти (Временное правительство, военное командование, Советы,

14 Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. С. 310.

комитеты) и основные участники борьбы за власть, прежде всего крупнейшие российские политические партии и их лидеры. Именно такие сюжеты освещены в большей части томов гигантского собрания книг, посвященных Российской революции»¹⁵. Эта традиция, долгое время доминировавшая и в советской, и в западной историографии, была данью позитивизму и эссенциализму исторической науки XIX в. Эта наука имела тенденцию воспринимать прошлое как совокупность «объективных» фактов, звать историков к воссозданию прошлого таким, каким оно якобы было на самом деле; настаивать на иерархии источников, деля их на «объективно» достоверные и недостоверные; верить в достижение одной единственной «правды» о прошлом и критиковать альтернативные интерпретации как добросовестные заблуждения или злокозненные фальсификации.

Критика такой науки в ее советском «изводе» не утратила актуальности и сегодня. Позитивизм и поныне остается в моде у (не только) российских историков.

«Символы власти...» написаны с иных позиций. Не эссенциализм, а конструктивизм лежит в их основе. Согласно этому подходу, исторические феномены — события, процессы, группы — являются не объективными данностями, а конструкциями, в создании которых задействованы и сами участники событий, процессов, групп, и их потомки, включая историков-исследователей. Такое видение истории, намеченное в 1960–1980-е гг. социологами, антропологами и историками, представлялось особенно убедительным благодаря «лингвистическому повороту» в науках об обществе и культуре. Интерес к языку и другим символическим системам как историческим феноменам чрезвычайной важности, восприятие их не отражением действительности, а как самостоятельной деятельной силы, творящей реальность, предложение читать знаки и саму действительность как текст — таков (в несколько упрощенном виде) «символ веры» культурно-исторических исследований 1980–1990-х гг. В эту парадигму, по моему убеждению, вписывается и исследование символов революции Б. И. Колоницкого, ставшее одной из самых ярких и влиятельных книг о русской революции.

В 1996 г. начинающий немецкий историк Матиас Штадельман защитил магистерскую работу «Революционная Россия в но-

15 Там же. С. 6.

вой культурной истории: дискурсивные формации и социальные идентичности», которая в следующем году, к 80-летию Российской революции, была издана отдельной брошюрой¹⁶. В ней имплицитно идет речь о, по сути дела, двух программах культурной истории в качестве новых явлений международной историографии. Одна из них, минималистская, рассматривает культурные исследования как сегмент исторической науки, изучающий дискурсивные практики и символические системы на основе достижений «лингвистического поворота». Другая, максималистская, заявляет о себе как альтернативный подход к истории вообще, ориентирована на изучение восприятия и поведения, предпочитает микроисторический масштаб и опирается на вербальные и невербальные источники личного происхождения. «Золотая середина» виделась ученику известного социального историка Хельмута Алттрихтера в использовании концепции «жизненного мира» Эдмунда Гуссерля, избавляющей от бинарной оппозиции «культура — общество»¹⁷.

Не будем придирааться к начинающему в то время ученому по поводу некоторого схематизма в изображении историографического явления, которое к тому же в те годы делало первые шаги. Важно другое. Изучение историками дискурсивных формаций, символических систем и культурных практик в 1990-е гг. находилось на подъеме. Кроме того, в тот момент, наряду с традиционной, искусствоведческой, «оперной» традицией исследования культур намечались разные опции анализа культуры из социологической, лингвистической, антропологической перспектив.

«Веер» возможностей в изучении революции 1917 г., обнаруженных еще в конце XX в., до появления многих важных трудов о ней, позволяет сегодня, три десятилетия спустя, задаться вопросом о перспективах ее дальнейшего исследования. Размышления об этих перспективах ни в коем случае не умаляют значения научных работ последних десятилетий о революции 1917 г., в том числе исследований Бориса Ивановича. Никогда не лишне удостовериться, что плодотворными могут быть разные подходы к изучению сложной исторической «материи». Всегда по-

16 Stadelmann M. Das revolutionäre Russland in der Neuen Kulturgeschichte: Diskursive Formationen und soziale Identitäten, Erlangen; Jena, 1997. В книге особой похвалы заслужила статья Б. И. Колоницкого: *Kolonitskii B. I. Antibourgeois Propaganda and Anti-"Bourzhui" Consciousness in 1917* // Russian Review. 1994. No. 1. P. 183–196.

17 См.: Ibid. S. 111–119.

лезно думать, в каких направлениях можно развивать успешные исследования, доказавшие свою эффективность и принадлежащие к историографическому канону. Вероятно, пора рефлексировать не только о недостатках советской историографии, но и о возможностях и границах современной международной исторической науки.

Здесь уместно ограничиться одним ярким примером попытки выйти за рамки «лингвистического поворота» в конструктивистском подходе к истории революции 1917 г. В 2021 г., менее чем за три года до безвременной кончины, немецко-британский историк Ян Плампер опубликовал программную статью о потенциале «сенсорного поворота» для интерпретации русской революции¹⁸. Начиная в качестве поборника культурной истории в дискурсивном измерении, он в 2000-е гг. вышел за рамки «лингвистического поворота», завоевания которого испытывали инфляцию из-за их неумеренного и зачастую неумелого использования. От изучения визуального культа Сталина¹⁹ Плампер обратился к разработке истории эмоций²⁰, а затем предложил программу комплексного анализа роли чувственного опыта в конструировании действительности и в программировании поведения исторических акторов. В статье «Звуки Февраля, запахи Октября» Я. Плампер, помимо прочих, благодарит Б. И. Колоницкого за помощь в обсуждении рукописи статьи и ссылается на его работы. Тем не менее он утверждает, что «сенсорная история русской революции выдвигает на первый план аспекты революционного опыта, упущенные из виду в описаниях, посвященных политике, идеологии, классу и даже символическим практикам»²¹. Плампер призвал более внимательно присмотреться к таким «мелочам», как конструирование революционного пространства посредством не только зрения, но и других органов чувств; паралингвистические, звуковые особенности восприятия ораторской речи в домикрофонную эпоху;

18 *Plamper J. Sounds of February, Smells of October: The Russian Revolution as Sensory Experience // American historical review. 2021. No. 2. URL: <https://academic.oup.com/ahr/advance-article/doi/10.1093/ahr/rhaa575/6056515> (дата обращения: 24.04.2025).*

19 *Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.*

20 *Плампер Я. История эмоций. М., 2018.*

21 *Plamper J. Sounds of February, Smells of October.*

трансформации символической составляющей выстрелов, трамвайных звонков, молчания телефона, перебоев в подаче воды и электричества, и ко многому другому. В конечном счете Плампер ратует за «поиск целостной аналитической линзы, выходящей за рамки бинарной оппозиции “опыт — дискурс”»²². Его предложения являются одним из возможных, но труднопроходимых путей уточнения того, как «большая история» усваивается маленькими, обычными людьми на уровне вербального и невербального опыта.

История символов и опыта, повседневности и чувств, пространства и памяти, равно как и прочие варианты культурно-исторических исследований, могут представить человека жертвой обстоятельств или активным участником исторических событий, объектом или субъектом социальных процессов, мухой или пауком в сети социальных связей и культурных значений. Особенно это касается истории революций, в интерпретации которых мировоззренческие ориентиры историка не менее важны, чем методологические предпочтения, профессиональная и жизненная опытность. Книга Бориса Ивановича Колоницкого «Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года» (2012) способствует пониманию активной роли ее современников и очевидцев. Мимо нее сегодня не может пройти ни одно серьезное исследование российской революции. На труды петербургского историка продолжают ссылаться эксперты по российской истории по обе стороны новых геополитических границ²³. Их эвристический потенциал не исчерпан и, кажется, даже не вполне оценен. Монография Б. И. Колоницкого о символах власти и борьбе за власть как центральная среди них позволяет исследователям идти дальше, вновь и вновь убеждаясь в банальной истине: действительно, «по-разному бывает».

22 *Plamper. J. Sounds of February, Smells of October.*

23 См., например: *Plamper J. Sounds of February, Smells of October; Baberowski J. Der bedrohte Leviathan. Staat und Revolution in Rußland, Berlin, 2021; Булдаков В. П. Страсти революции: Эмоциональная стихия 1917 года. М., 2024; Baberowski J. Der sterbliche Gott: Macht und Herrschaft im Zarenreich. München, 2024.*

ЛИТЕРАТУРА

- Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 373 с.
- Булдаков В. П. Страсти революции: Эмоциональная стихия 1917 года М.: Новое литературное обозрение, 2024. 432 с.
- Дэвид-Фокс М. Семь подходов к феномену советской системы: Разные взгляды на первую половину «краткого» XX века // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2001. С. 20–44.
- Колоницкий Б. И. Центры буржуазной печатной пропаганды в Петрограде и их крушение, март — октябрь 1917 года: автореф. и дис. ... канд. ист. наук: Ленинград: Ин-т истории СССР АН СССР, 1987. 216 с.
- Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб.: Остров, 2001. 82 с.
- Колоницкий Б. И. Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 347 с.; изд-е 2-е. СПб.: Лики России, 2012. 318 с.
- Колоницкий Б. И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году: дисс. ... докт. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский ин-т истории РАН, 2002. 496 с.
- Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
- Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 511 с.
- Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 495 с.
- Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018 (2-е изд. — 2024). 561 с.
- Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 414 с.
- Шанин Т. Статья Теодором: от ребенка войны до профессора-визионера. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 336 с.
- Baberowski J. Der bedrohte Leviathan. Staat und Revolution in Rußland, Berlin: Duncker & Humblot, 2021. 127 S.
- Baberowski J. Der sterbliche Gott: Macht und Herrschaft im Zarenreich. München: C. H. Beck, 2024. 1370 S.
- Kolonitskii B. I. Antibourgeois Propaganda and Anti-"Bourgeois" Consciousness in 1917 // Russian Review. 1994. No. 1. P. 183–196.
- Kolonitskii B. Février comme fête de Pâques // L'histoire. Les Révolutions russes: Février — Octobre 1917. Février 2017. No. 432. P. 10–11, 46–47.
- Holquist P. Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 2002. IX, 359 p.
- Plamper J. Sounds of February, Smells of October: The Russian Revolution as Sensory Experience // The American historical review. 2021. No. 2. URL: <https://academic.oup.com/ahr/advance-article/doi/10.1093/ahr/rhaa575/6056515> (дата обращения: 24.04.2025).
- Raleigh D. J. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2002. XVIII, 438 p.

Stadelmann M. Das revolutionäre Russland in der Neuen Kulturgeschichte: Diskursive Formationen und soziale Identitäten, Erlangen; Jena: Palm und Enke, 1997. 136 S.

REFERENCES

- Buldakov V. P.* Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya. Moscow: Rosspen, 1997. 373 p. In Russian.
- Buldakov V. P.* Strasti revolyutsii: Emotsional'naya stikhiya 1917 goda M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 432 p. In Russian.
- David-Fox M.* Sem' podkhodov k fenomenu sovetskoy sistemy: Raznye vzglyady na pervuyu polovinu «kratkogo» XX veka // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednih let. Sovetskij period: Antologiya / ed. M. David-Fox. Samara: Samarskij universitet, 2001. P. 20–44. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* Tsentry burzhuaznoy pechatnoy propagandy v Petrograde i ikh krushenie, mart — oktyabr' 1917 goda: dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad: In-t istorii SSSR AN SSSR, 1987. 216 p. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* Pogony i bor'ba za vlast' v 1917 godu. S. Petersburg: Ostrov, 2001. 82 p. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* Simvoly i bor'ba za vlast'. K izucheniyu politicheskoy kul'tury Rossiyskoy revolyutsii 1917 goda. S. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2001. 347 p.; 2nd ed.: S. Petersburg: Liki Rossii Publ, 2012. 318 p. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* Politicheskie simvoly i bor'ba za vlast' v 1917 godu. Dis. ... dokt. ist. nauk. S. Petersburg: Sankt-Peterburgskii in-t istorii RAN, 2002. 496 p. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* „Tragicheskaya erotika“: Obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoy mirovoj vojny. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 664 p. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* Tovarish` Kerensky: antimonarhicheskaya revolyutsiya i formirovaniye kul'ta vozhdia naroda (mart — iyun` 1917 goda). M.: Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 511 p. In Russian.
- Plamper J.* Alkhimiya vlasti. Kult Stalina v izobrazitel'nom iskusstve. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 495 p.
- Porshneva O. S.* Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochih, krest'yan i soldat Rossii v period Pervoj mirovoj vojny (1914 — mart 1918 g.). Ekaterinburg: UrO RAN, 2000. 414 p. In Russian.
- Shanin T.* Stat' Teodorom: ot rebenka vojny do professora-vizionera. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 336 p. In Russian.
- Baberowski J.* Der bedrohte Leviathan. Staat und Revolution in Rußland, Berlin: Duncker & Humblot, 2021. 127 S. In German.
- Baberowski J.* Der sterbliche Gott: Macht und Herrschaft im Zarenreich. München: C. H. Beck, 2024. 1370 S. In German.
- Holquist P.* Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 2002. IX, 359 p.
- Kolonitskii B. I.* Antibourgeois Propaganda and Anti-„Burzhui“ Consciousness in 1917 // Russian Review. 1994. No. 1. P. 183–196.
- Kolonitskii B.* Février comme fête de Pâques // L'histoire. Les Révolutions russes: Février — Octobre 1917. Février 2017. No. 432. P. 10–11, 46–47. In French.
- Plamper J.* The History of Emotions: An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2015. 352 p.

Plamper J. Sounds of February, Smells of October: The Russian Revolution as Sensory Experience // The American historical review. 2021. No. 2. URL: <https://academic.oup.com/ahr/advance-article/doi/10.1093/ahr/rhaa575/6056515> (дата обращения: 24.04.2025).

Raleigh D. J. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2002. XVIII, 438 p.

Статья поступила в редакцию: 20 марта 2025 г.

Рекомендована к печати: 16 июня 2025 г.

Received: March 20, 2025

Accepted: June 16, 2025